

РУССКИЙ
ДЕТЕКТИВ

а л е к с а н д р
Г О Р С К И Й

НЕ НАШЕ
ДЕЛО

Русский детектив

Александр Горский

Не наше дело

«Центрполиграф»

2020

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Горский А. В.

Не наше дело / А. В. Горский — «Центрполиграф»,
2020 — (Русский детектив)

ISBN 978-5-227-08906-9

Двадцатишестилетний лингвист из Петербурга полон энтузиазма в предвкушении своей первой крупной экспедиции: затерянный в океане остров, нетронутый современной цивилизацией народ, крупнейший научный проект под эгидой ООН, международный состав базового лагеря – все сулит энергичному и склонному к авантюрам Эдуарду Вениаминовичу, которого знакомые зовут по-свойски Эдди, много свежих и ярких впечатлений... Самым ярким впечатлением первого же дня для Эдди стала Фрея, дочь влиятельного правителя местного острова. Он полон решимости завести роман с экзотической островитянкой, но девушка озабочена произошедшим буквально накануне убийством. Не думая о последствиях, Эдди решает предпринять собственное расследование.

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-227-08906-9

© Горский А. В., 2020
© Центрполиграф, 2020

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	20
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Александр Горский

Не наше дело

© А.В. Горский, 2020

© Художественное оформление серии «Центрполиграф», 2020

© «Центрполиграф», 2020

* * *

*У фермера заболела лошадь. Он вызвал ветеринара, тот осмотрел ее и говорит:
– Плохо дело. Попробуем полечить. Вот вам уколы, делайте ежедневно, если через три дня не поможет, придется лошадь усыпить.*

Услышала этот разговор свинья, побежала к лошади и говорит:

– Лошадь, хватит болеть, я слышала, что через три дня тебя усыпят, если не встанешь!

На второй день.

– Лошадь, вставай, тебе два дня осталось жить, если не пойдешь!

День третий.

– Слышь, хвостатая, завтра последний день тебе остался!

На следующий день приходит ветеринар:

– Ну как успехи?

– Плохо, лошадь не встала.

– Ну что ж, в таком случае будем усыплять.

Свинья бежит к лошади:

– Ну все, конец тебе! Доктор пришел, усыплять будет! А я предупреждала!

Вдруг лошадь вскакивает и выбегает во двор.

– О чудо! – воскликнул фермер. – Это дело надо отметить! По такому поводу зарежем свинью!

История, рассказанная мне одной нашей общей знакомой лошадью.

Глава 1

Алрик, не замахиаваясь, коротким быстрым движением метнул рыбацкий трезубец. Сейчас все решала именно скорость. Одна из темных фигур, преградивших ему дорогу, вскрикнула и повалилась на землю, другая испуганно отшатнулась в сторону. «Охотнички трусоваты», – усмехнулся Алрик и что было сил помчался по узкой каменистой тропе, петлявшей среди гигантских валунов, беспорядочно разбросанных по всему берегу. От пристани до поселка по прямой было не более четырех ордрагов. Всего четыре полета стрелы – и он будет там, где можно позвать на помощь, где на твой зов непременно откликнутся. Нет ничего зазорного в том, чтобы сильному мужчине звать на помощь. Он, Алрик, уже показал, что не трус, ранив или даже убив одного из нападавших, но другого оружия у него не было, и лучшее, что он сейчас мог сделать, – это бежать, бежать изо всех сил, перепрыгивая через камни, и молить богов о том, чтобы не споткнуться об один из булыжников, почти невидимых в серых утренних сумерках, усиленных тяжелым вязким туманом. И дернуло же его в такую рань потащиться проверить сети. Те, кто поджидал на берегу, знали об этой его привычке вставать ни свет ни заря. Вот только они зря решили изобразить видимость приличий и окликнули его. Какие уж тут приличия, два вооруженных воина, на одного мирного рыбака, у которого при себе лишь короткий гарпун. Им надо было не умничать, а молча напасть со спины или, притаившись за ближайшей скалой, выстрелить из лука. Выстрел из лука – это всегда надежно.

В последнее мгновение он услышал легкий свист и успел прыгнуть в сторону. Стрела лишь разодрала ему правое ухо. Рана сама по себе была не опасна, но горячая кровь мгновенно потекла по шее за воротник, стремительно остывая на утреннем холодке и затекая внутрь под рубашку уже холодной вязкой струей, струей страха. Лучнику требовалось совсем немного времени, чтобы вновь изготавиться к стрельбе. За эти мгновения Алрик успел сделать несколько гигантских прыжков в надежде укрыться за скалистым выступом, который огибала тропа. Очевидно, лучник был очень хорош. Он успел выстрелить на мгновение раньше, чем этого ожидал беглец, на мгновение раньше, чем широкая спина скрылась за черным гранитом.

Алрик лежал неподвижно. Он лежал и слушал, слушал, как жизнь покидает его такое мощное, еще молодое тело. Как это ни удивительно, боли почти не было, как не было и страха. Были обида и удивление. Он всегда верил в то, что избран судьбой для чего-то более значительного, более великого, чем такая глупая, некрасивая смерть. Ведь он всегда побеждал, с самого раннего детства. Во всех играх, во всех поединках, после которых он подбегал к маме, а та, всегда невероятно красивая, ослепительно улыбающаяся, целовала его в лоб и говорила: «Алрик, ты мой герой. Ты вырастешь и станешь героем своего народа». Отец обычно не говорил ничего, но одобрително похлопывал сына по плечу, а где-то в зарослях рыжих волос, там, где усы сплетались с бородой, появлялись крепкие желтые зубы. Отец улыбался.

И вот теперь он проиграл. Алрик слышал, как с хрипом выпускало воздух пробитое легкое, слушал, как булькала кровь, поднимаясь вверх по горлу и медленно заполняя рот. Постепенно эти неприятные звуки становились все тише, и к тому времени, как лучник подошел совсем близко, Алрик уже ничего не слышал, не видел и не чувствовал. Алрик умер.

Стрелок убедился, что жертва действительно мертва и, удовлетворенно вздохнув, положил руку на рукоять меча. Самое трудное было сделано. Оставалось самое неприятное. Но что поделать, жизнь полна неприятностей.

* * *

Тяжелые вязкие клочья тумана с неохотой расступались перед еще более тяжелой железной машиной контейнеровоза. С берега уже была хорошо видна огромная, выкрашенная оранжевой краской звезда, украшавшая голубой нос гигантского судна. Контейнеровоз, повинаясь приказам невидимых человечков, до времени прячущихся в его рубке, начал медленно, неуклюже маневрировать. Впрочем, неуклюжесть эта была лишь видимостью. Так борец сумо медленно поднимается с циновки и неторопливо разминает затекшие ноги. Так самка носорога, недовольно пофыркивая и выпучив свои маленькие слабовидящие глазки, выходит из болота, чтобы удостовериться, неужели кто-то и вправду посмел приблизиться к ее детенышу. А потом? Потом толчок опорной ногой, бросок вперед, и сокрушенный противник повержен. Но то ли потому, что у сухогруза было плоховато с опорной ногой, то ли потому, что капитан судна превосходил своими интеллектуальными способностями и самку носорога, и борцов сумо, но четырехсотметровая голубая громадина не стала никуда бросаться, а плавно повернулась правым бортом к пирсу, показав всем встречающим гигантскую, в полборта надпись SHANGHAI STAR. «Звезда Шанхая» успешно достигла своего пункта назначения. Прошло совсем немного времени, и заработал портовый кран. На этом пирсе он был единственным, правда, пирс в порту тоже был всего один. Разгрузка обещала быть небыстрой. Капитан сухогруза, сорокалетний голландец Йохан Райкаард, некоторое время, прищурившись, смотрел на монотонные движения стрелы, затем пошарил в кармане куртки и извлек из него трубку. Трубку курили и отец Йохана, и его дед, и даже прадед, которого Йохан помнил смутно, возможно, оттого, что был еще совсем маленький, а возможно, потому, что старик был всегда овеян клубами табачного дыма, а пахло от него сильнее, чем от табакерки.

Сам Йохан курил лет с четырнадцати. Правда, в отличие от отца, попыхивающего изящной трубкой из мореного дуба, подростку приходилось обходиться дешевыми сигаретами без фильтра. Родители никогда не баловали его деньгами на карманные расходы, хотя отец, капитан супертанкера, весьма неплохо зарабатывал. Окончив школу, Йохан не раздумывая подал документы в Нидерландский морской университет. В семье, где все мужчины на протяжении последних трех столетий служили на флоте, от молодого Райкаарда другого не ожидали. В университете Йохан почти не курил. Отличаясь от природы крепким телосложением, он попал в студенческую гребную команду и максимум, что позволял себе, – это кружечку свежего темного пива и одну-две сигареты с анашой, которые он выкуривал, как правило, на двоих вместе с соседом по комнате в общежитии.

Выкурив травки, сосед Йохана закидывал ноги на спинку кровати и начинал вслух мечтать. Мечтал он всегда об одном и том же. Как вскоре окончит академию и станет помощником капитана на каком-нибудь океанском судне, а через несколько лет, годам к тридцати, непременно пробьется в капитаны шикарного круизного лайнера. И тогда у него будет все, о чем может мечтать настоящий мужчина. Стабильный ежемесячный доход не меньше двадцати тысяч гульденов, симпатичный двухэтажный дом в Амстелвеене, непременно на опушке Амстердамского леса, черный «мерседес» Е-класса в гараже, а может быть, даже два, ведь жене тоже надо на чем-то ездить. Впрочем, насчет машины фантазии Мартина, а именно так звали молодого мечтателя, иногда различались. В отдельные дни, когда, очевидно, гашиш был не из Пакистана, а марокканский, он представлял себя обладателем белоснежного БМВ.

Сам Йохан, успев выучить все мечты своего приятеля наизусть, обычно уходил из комнаты почти сразу после того, как ноги, обутые в пару немытых кроссовок сорок пятого размера, появлялись над спинкой кровати Мартина. Как правило, Йохан шел в спортзал. После косяка его, что называется, перло. В такие дни он любил выставить на штанге максимальный вес и выполнять жим лежа до тех пор, пока дрожащие от напряжения руки из последних сил

не сбрасывали гриф на крючки стоек. Выйдя из душа, он подходил к зеркалу в раздевалке и с удовольствием смотрел на свои надувшиеся, затвердевшие мышцы. Они были великолепны. Они заслуживали того, чтобы их ласкали нежные, мягкие руки женщин. И Йохан ехал к женщинам, как правило, в «Фэнтази бич» на Зоммерхоф, благо по выходным курсантов отпускали в город без всяких ограничений.

Юный Райкаард был одним из лучших выпускников своего курса, и было неудивительно, что после выпуска он получил несколько неплохих предложений, в том числе и помощником капитана супертанкера. На танкерах всегда платили больше, чем на сухогрузах, но и работы было больше. На молодого помощника непременно свалили бы всю невероятную кучу документов, которую необходимо заполнять как при приемке, так и при передаче груза. Все сомнения были отброшены в тот день, когда шедший через Босфор греческий танкер «Олимп» столкнулся со своим болгарским близнецом, доверху нагруженным нефтью и высокооктановым бензином. В результате взрыва на обоих нефтеевозах начался пожар. Спасательные суда подоспели быстро, но из-за сильного ветра ничего не могли сделать. Загрелись новые взрывы. Обожженные моряки с воплями прыгали за борт. В тот день погибло около двадцати человек. На следующее утро Йохан Райкаард сделал свой выбор в пользу должности третьего помощника капитана сухогруза.

Перед первым выходом в рейс отец подарил Йохану трубку. Это не была старая семейная реликвия, которую мог курить еще прапрадед отца или которую дед прятал непонятно где во время трехмесячного пребывания в лагере для интернированных во время немецкой оккупации. Нет, это была новенькая бриаровая, еще даже не пахнущая табаком трубка. Тем не менее это был знак, знак признания того, что отец теперь считает его, Йохана, ровней себе, настоящим мужчиной и, возможно, даже настоящим моряком, что, конечно, важнее.

С тех пор Райкаард с трубкой не расставался. Что может быть мужественнее и прекраснее, чем морской волк, стоящий на мостике корабля, смотрящий куда-то вдаль, туда, где солнце садится за горизонт, и при этом выпускающий в соленый воздух кольца табачного дыма? Ничего. Нет, не так. Ничего! Так считали сам Райкаард, так считали все многочисленные влюблявшиеся в него женщины. Правда, прекрасные дамы не знали, что на мостике курение запрещено, но кому интересны эти мелкие детали?

В итоге к тридцати восьми годам Йохан так и не обзавелся семьей, зато имел несколько верных друзей почти на каждом континенте маленькой круглой планеты, на две трети покрытой водой, но по недоразумению называемой Земля. Также у него было двое внебрачных детей, которых он признавал и выделял деньги на их воспитание, и еще двое, которых он признавать отказывался и старательно уклонялся от проведения генетической экспертизы. Было еще одно приобретение, которое Йохана совсем не обрадовало и сильно повлияло на его образ жизни. Во время проведения очередного медосмотра, рассматривая рентгеновский снимок, врач обнаружил небольшое затемнение в легких. Доктор прописал необходимое лечение и запретил Райкаарду курить. Моряка больше испугало не само затемнение как таковое и даже не перспектива развития рака легких. Его напугали два слова, которыми доктор обозначил его судьбу в случае неблагоприятного развития заболевания. Списан на берег. Что может быть хуже? Что может быть страшнее?

Райкаард бросил курить и понял, что значит быть наркоманом. Обклеенный с головы до ног никотиновым пластырем, он стремительно переходил из состояния унылой депрессии к неожиданным яростным вспышкам, которые, к счастью, продолжались недолго. Прооравшись и выкинув за борт очередную электронную сигарету, Йохан запирался у себя в каюте и часами сидел в одиночестве. На тридцать девятый день рождения команда подарила ему электронную трубку. Трубка улетела за борт на пятый день.

Как и обещал врач, через три месяца стало легче, а через полгода организм окончательно смирился. Еще через полгода очередной рентгеновский снимок показал, что все мучения были

ненапрасны. У Йохана осталась лишь одна привычка, напоминающая ему о днях, когда он не мог обходиться без табака. Каждый вечер, в то время, когда диск солнца стремился скрыться за горизонтом, он выходил на ходовой мостик и доставал подаренную отцом трубку. Из трубки, которую курили непрерывно в течение пятнадцати лет, запах табака не выветрится никогда. Ноздри с силой втягивают в себя этот запах, невидимые молекулы попадают в кровь, легкий разряд пробегает по нейронным связям головного мозга. Глаза закрываются, и человек на мостике стоит несколько секунд с закрытыми глазами, отрешившись от всего вокруг, и легкая улыбка озаряет его суровое небритое лицо.

Вы спросите меня, откуда я знаю всю эту чушь? Да конечно же от самого капитана. Мы проторчали с ним неделю на рейде в шведском Гетеборге и вышли в море на пять дней позже, чем было запланировано. А что вы хотите? Когда судно отправляется в путь под эгидой Организации Объединенных Наций, это значит, что его грузят два десятка гуманитарных организаций из нескольких стран мира. Как вы сами понимаете, понятия дисциплина и гуманитарные организации находятся по разным бортам судна, как сказал бы наш капитан, и никогда друг с другом не встречаются.

Спустя сутки с небольшим после выхода из Гетеборга, преодолев порядка четырехсот пятидесяти морских миль, мы добрались до порта Халл. Великобритания, а как же без нее? Англичанам непременно надо показать, что они ничем не хуже Евросоюза и им тоже небезразлична судьба нескольких тысяч дикарей, обитающих на двух островах где-то на севере норвежского моря. Хотя, скорее всего, им небезразличны сами острова. Не убиваемый временем инстинкт колонизаторов, сглаженный современными приличиями и решениями ООН, заставляет посылать к не таким уж и далеким землям не военные корабли, а всего лишь несколько контейнеров с консервами, одеждой, инструментами и прочей дребеденью, которая может понадобиться людям, живущим черт-те где и черт-те как.

Мы, кстати, тоже участвуем в этом проекте. Кто это – мы? Мы – русские, россияне, russians, как говорят все остальные члены команды. Russians на судне двое: я и мой научный руководитель, доктор геолого-минералогических наук профессор Юрий Иосифович Гартман. Точнее будет сказать, что он не мой научный руководитель, а научный руководитель нашей экспедиции, в состав которой входят всего два человека. Я и он. Он и я. Как вам больше нравится. Что я могу сказать о своем руководителе? Как и большинство людей, описывая которых мы используем такие слова, как профессор, Иосифович, Гартман, – он еврей. А это значит, человек умный, это свойственно большинству профессоров и, как мне кажется, большинству евреев. Хотя, насчет профессоров я могу ошибаться. Насчет евреев я тоже наверняка не прав, но это только потому, что как бы ты о них ни подумал, ты все равно будешь не прав.

Юрий Иосифович не только еврей, он еще и патриот. В этом я убедился в первый же вечер, когда капитан пригласил нас поужинать в компании с ним и первым помощником. Вскоре выяснилось, что смысл ужина заключался вовсе не в том, чтобы поесть, а в том, чтобы нажраться. Нажраться водки. Впрочем, процесс изначально был задуман не просто как банальное пьянство, а как соревнование. Соревнование духа, силы воли и, очевидно, крепости желудка двух сильнейших в мире команд. Да, так мне сказал первый помощник. Никто так не умеет пить, как русские и моряки. И сейчас мы должны были прояснить, кто же из мастеров этого дела мастеровитее. В порту капитан под завязку затарился шведской водкой, так что спортивного инвентаря у нас хватало.

Несколько раз мне доводилось пить в компании друзей отца. Он брал меня иногда с собой в баню или на рыбалку, а однажды мы летали вместе на охоту на какой-то дальний кордон, где-то в Карелии. Так вот, у меня хорошо отложилось в голове, что мужики, которым уже перевалило лет за сорок, а тем более за пятьдесят, любят вспоминать, как они могли пить раньше. Когда деревья были большие. Тьфу, не то! Когда я был маленький. Опять не то! Когда они были молоды. Точно, именно так. Они были молоды, полны сил и могли в легкую бухать

всю ночь в студенческой общаге, мешать в сифоне водку с шампанским, а с утра как ни в чем не бывало успевать на первую пару.

Сейчас мне двадцать шесть лет, соответственно, я могу предположить, что нахожусь в самом расцвете своих творческих алкогольных способностей. Я еще достаточно молод и силен, но, тем не менее, уже умудрен некоторым опытом шести курсов студенческой жизни и двух лет в аспирантуре. В общем, я достойный соперник любому моряку. Так я считал. Так я считал первые пару часов нашего застолья.

Капитан и его помощник пили как стадо бегемотов, переживших засушливый сезон в саванне Ботсваны. Юрий Иосифович с достоинством поддерживал честь русской науки. Меня некоторое время выручало то, что мой многомудрый руководитель перед ужином чуть ли не силой выдавил мне в рот половину тюбика энтеросгеля, но, когда количество выпитого перевалило за литр на человека, спасительный гель утратил свои чудодейственные свойства.

Тостующим на правах хозяина в основном был капитан.

– A great ship asks deep water!¹ – торжественно провозгласил голландец, распечатывая коробку шведской водки.

– Oh, ea!² – решительно согласился старпом.

После того как выпили за моряков, их корабли, за большой фрахт и малую волну, мы вспомнили о женщинах и хлопнули по рюмашке за подруг моряков, за жен моряков и за то, чтобы первые никогда не встречались со вторыми. Когда тушеная капуста и фрикадельки уже заканчивались, а водка была в самом разгаре, тост произнес Юрий Иосифович. Неторопливо, опираясь руками о стол, он поднял вверх грузное тело, так что его живот почти полностью скрыл от меня капитана. При первой встрече я предположил, что именно в животе скрывается могучий интеллект профессора, ибо вряд ли он мог поместиться где-либо еще. Свою идею я, впрочем, озвучивать не стал, ибо профессор был могуч не только интеллектом.

Возвысившись над столом, он в привычной манере лектора кашлянул, прочищая горло, и великолепным басом на не менее великолепном английском двинул речь:

– Друзья мои! Судьба моряка – почти все время быть далеко от своего родного дома. Он постоянно в пути, в борьбе с ветрами, штормами и, может быть, даже с айсбергами, которые вы мне, друзья мои, обещали показать. – Капитан и старпом дружно закивали под испытующим взглядом Гартмана. – Жизнь ученого большей частью проходит в кабинетной тиши, в окружении книг, рукописей и таких же скучных людей, как он сам.

Надеюсь, в последней фразе профессор упомянул не меня, а кого-то из своих коллег по кафедре минералогии.

– Но тем не менее судьба свела нас всех здесь, на этом судне, которое, упрямо рассекая волны, идет от одного, чужого для нас, берега, к другому, такому же чужому. Друзья! – Профессор поднял рюмку выше. – Я хочу выпить за тот берег, который каждый из нас считает своим родным. У каждого это свой берег, но все мы любим его всем своим сердцем. Выпьем за родину!

Голландцы были в восторге от произнесенного тоста. Все дружно чокнулись.

– Вы настоящий патриот, Юрий Иосифович, – с трудом складывая буквы в слова, провозгласил я.

– Лэхаим, – почему-то ответил мне мой научный руководитель и с легкостью опрокинул в рот очередную рюмку уже ненавистного мне «Абсолюта».

Я задумался.

– Послушайте, Юрий Иосифович... профессор, мы ведь сейчас с вами пили за одно и то же? У нас же с вами одна родина? – Водка придала мне смелости.

---

¹ Большому кораблю – большое плавание!

² О, да!

Профессор доброжелательно посмотрел на меня умными карими глазами, в которых я не заметил и следа опьянения.

– Эдуард... Вениаминович, если не ошибаюсь?

Я согласно икнул.

– Я думаю, у нас с вами одна родина, вы это со временем поймете.

Профессор ласково похлопал меня рукой по спине, и я понял, что испытывает несчастное насекомое в момент удара мухобойкой.

Содержимое переполненного желудка настойчиво искало выход наружу. Причем оно рвалось выйти тем же путем, что и вошло.

– Ein moment!³ – почему-то перешел я на немецкий и, вяло пошатываясь, побрел в сторону выхода.

Голова соображала уже плохо, но ноги уверенно вели меня в направлении того, что на флоте называют галюн, а нормальные люди – сортир. Кстати, раз уж мы с вами вместе добрались до сортира, то, считаю, самое время познакомиться поближе.

Как вы уже догадались, зовут меня Эдуард Вениаминович. Точнее, это мое имя-отчество, а зовут все меня обычно Эдик, а на корабле Эдик превратился в Эдди. Мне нравится. Гораздо лучше, чем Эдичка – так в детстве звала меня мама. Долгое время я не возражал, пока мне в руки не попала потерянная книжка с замечательным названием «Это я – Эдичка». Во всяком случае, я так думал, пока не открыл книгу. Что я могу о ней сказать без мата? А вот знаете, ничего. Однако у этой книжки есть одно неоспоримое достоинство – она была написана много лет назад, а у нас издана хотя и значительно позже, но все равно еще до моего рождения. И никому уже не интересны ни эта книжечка, ни ее сумасшедший автор.

Я выбросил эту книгу в мусорное ведро, потом немного подумал, достал ее и отправился на задний двор нашего дома, где и сжег сей шедевр творческой мысли, опорочивший такое прекрасное имя. Имя Эдичка. Когда страницы начали темнеть и скручиваться в языках пламени, мне стало легче. Я даже подумал о том, какое наслаждение получил бы, если бы смог сжечь не только книжку, но и ее автора. У меня даже промелькнула мысль позвонить папе и попросить его об этом небольшом одолжении, но все же человеколюбие и мой природный гуманизм победили во мне зарождающегося маньяка. Папе звонить я не стал, а вот маме запретил меня звать Эдичкой категорически. В объяснения я вдаваться не стал, мама так и осталась в обиженном недоумении, ибо она такой книги не читала. Мама вообще у меня не была любительницей книг, от них ее сразу тянуло в сон, так что она предпочитала сериалы.

Но думаю, вам это не так интересно, как узнать, а кто же такой у меня папа, что ему можно вот так запросто позвонить и пару часов спустя два дюжих охранника притащат маленького извивающегося человечка с уже разбитыми очками и лицом и примотают его к столбу, возле которого уже предусмотрительно припасено сено и непонятно откуда взявшиеся сухие ветки. Ху из мистер?..

Я думаю, что фамилию отца называть не стоит. Он не любит, когда о нем говорят и тем более пишут, поскольку человек от природы скромный и застенчивый. Кто поумнее, тот догадается, а кто не догадался, тот, как говорится, сам дурак.

В детстве отец, как говорят, был еще более скромнее и застенчивее, чем сейчас. Это объяснялось не только интеллигентностью моих бабушки с дедушкой, которые по странному совпадению приходились ему родителями, но и физической хилостью. Плохо быть мелким очкариком, когда ты живешь на окраине Питера. Хотя мне почему-то кажется, что плохо быть хилым очкариком на любой окраине. А какие сорок лет назад делали оправы! Я видел старые детские фотографии отца. В те времена слова очкарик и урод были синонимами.

---

³ Минуточку!

Я тоже ношу очки. Они очень нравятся мне, очень нравятся моей девушке Насте. И другой моей девушке, Рите, они тоже очень нравятся. Рите не нравится Настя. А вот Настя про Риту никогда ничего плохого не говорила, но это только потому, что она про нее не знает. Они сексуальные. Я говорю про очки. Всем девушкам очень нравится выражение моего лица в тот момент, когда я снимаю эти стеклышки в изящной оправе с носа, чтобы поцеловаться. Девушки говорят, в это мгновение мое лицо становится настолько по-детски наивным и невинным, что они незамедлительно испытывают сексуальное возбуждение, словно им удалось совратить ангела. Хотя я, конечно, еще тот ангелочек...

Но вернемся к очкам. У меня их несколько пар. Они совершенно разные по стилю. Есть в строгой золотой оправе, их я надеваю под костюм, вернее даже под галстук. Когда я ношу костюм без галстука, то выбираю широкую серебристую оправу от Версаче. Очень стильно, рекомендую. Вы можете глянуть фотки в моем Инстаграме. Ну и конечно же у меня есть несколько пар самозатемняющихся очков в спортивной оправе. Если не обратить внимание на толщину линз, то можно подумать, что это обычные солнцезащитные очки от Фенди или Прада. Кстати, именно линзы-хамелеоны впервые сподвигли меня, тогда еще подростка, к размышлению о глупости и стадности человеческого поведения. Вот вы, к примеру, близорукостью не страдаете? Замечательно, очки, значит, не носите. А солнцезащитные у вас есть? Прелестно! Но надеваете вы их, конечно, только в погожие летние денечки. А как насчет зимы? Ну почему никто зимой не носит солнцезащитные очки? Чудеса интеллекта проявляют любители горных лыж. Они, зная о том, что ультрафиолет отражается от снежных склонов, все время щеголяют в затемненных стеклышках. Но, спускаясь с покоренных трасс, они оставляют в горах не только свое сердце, но и кусочек мозга и сливаются с серой массой глупо шурящихся людишек, радующихся свежевывавшему ночью снегу и неожиданному солнышку днем. А как мы радуемся приходу весны. Чуваки, в марте даже елки выгорают на солнце! Подумайте, что творится с сетчаткой глаза. Поверьте очкарику со стажем, берегите глаза, носите солнцезащитные очки круглый год.

И вновь о тщедушном мальчишке, который рос среди продуваемых ветрами питерских новостроек, через которые ему надо было тащиться полчаса пешком утром в школу и днем столько же обратно. Но если по утрам маленького Веню на улице встречали лишь темень, сырость и холодный ветер, что было весьма противно, но с чем оставалось только смириться, то на пути домой во второй половине дня порой попадались и другие препятствия. О встрече с ними без всяких слов говорили испачканная одежда, потерянная шапка, а то и треснувшая линза очков. Случалось подобное не так уж и часто, но оставляло о себе след в восприимчивой детской памяти надолго, а может быть, даже и навсегда. В конце концов, когда Вениамину исполнилось двенадцать лет, мама согласилась с его настоятельными требованиями и отвела мальчика на просмотр в секцию вольной борьбы. Да, представьте себе, бывают такие дети, которые в двенадцать лет еще не курят, не пьют пиво и даже не целовались с девчонками. Более того, все свои действия, хоть немного отклоняющиеся от заранее утвержденного маршрута дом – школа – кружок английского, они в обязательном порядке согласовывают с мамой и папой. Это то, что называется, домашние дети. Смешное выражение, верно? Можно подумать, что те, кто в двенадцать уже пьют, курят и целуются, непременно бездомные. Они тоже домашние. Вот только дома у всех бывают разные. И родители тоже.

Двенадцать лет – это уже немного поздно, чтобы начинать заниматься спортом. Так считают тренеры, причем не только тренеры, готовящие олимпийскую сборную, но и тренеры из какой-нибудь районной спортивной школы. Их можно понять. Каждый спит и видит, как он найдет ту единственную жемчужину среди всей толпы малолетних балбесов, которых притащили на тренировку их неадекватные мамы и еще более неадекватные папы. Каждый мечтает стать тренером чемпионов. Хотя бы тренером чемпиона. Но если из пяти-шестилетних детишек жемчужину можно хотя бы попытаться вырастить, вложив им в створки песчинку

своих знаний и умений, то с двенадцатилетним доходягой такой вариант уже не пройдет. Кому нужен прыщавый мешок костей, который с трудом может подтянуться четыре раза?

Очевидно, именно так рассуждал тренер по вольной борьбе, огромный темноволосый мужчина с мощной шеей и еще более мощным носом. Отец рассказывал, что он никогда раньше не видел человека с таким огромным носом. Но больше всего его поразили уши тренера. Было похоже, что кто-то еще более огромный и сильный просто-напросто оторвал их от головы, потом долго тискал в стальных ручищах, а затем, то ли сжалившись, то ли, наоборот, смеха ради взял и приклепнул их примерно туда, откуда и отрывал. Ну, может, совсем немного промахнулся.

Тренер, с горестным видом осмотрев Веню с головы до ног, потребовал, чтобы будущий борец отжался от пола максимальное число раз, что Веня и сделал, обессиленно рухнув на маты при счете девять. Затем последовали неудачные потуги изобразить мостик. На этом попытка поступления в секцию вольной борьбы была завершена. Мама молча шла по длинному коридору спортшколы в сторону раздевалки. Вениамин, не сдерживая слез, тащился вслед за ней. Растирая кулачком по лицу соленую влагу, он чуть не врезался в приоткрытую дверь. Из любопытства мальчишка заглянул внутрь и замер от удивления. В небольшом помещении, гораздо меньшего размера, чем зал вольников, несколько ребят в странной белой одежде, разбившись по двое, выполняли удивительные упражнения. Сцепившиеся руками пары словно в неведомом танце делали несколько ритмичных движений, то в одну, то в другую сторону, затем ритм прерывался. Один из партнеров ловко подворачивался под своего напарника, подседал под него. И вот уже в воздухе мелькали чьи-то босые ноги, поверженный спортсмен ловко перекачивался на матах и вновь вставал в стойку. Затем все повторялось снова и снова. Веня, разинув от восхищения рот, смотрел на этих удивительных людей, его сверстников. Заметив стоящего на входе в зал мальчишку, тренер, еще совсем молодой худощавый человек с улыбочивым лицом, дружелюбно подмигнул Вениамину и поманил его рукой. Так мой отец попал в секцию дзюдо.

Люди, которые занимаются дзюдо, добиваются в жизни самых разных вершин. Кто-то становится олимпийским чемпионом, кто-то тренером, кое-кто пробует себя на государственной службе. Отец выбрал, как он сам выражается, золотую середину – он занимается бизнесом, и, судя по рейтингу «Форбса», весьма успешно. Не знаю, между какими именно крайними точками отец выбирал середину, но то, что она оказалась золотая, он прав на все сто процентов. Я бы сказал, на сто процентов годовых!

Вы спросите меня, и чего это я, имея такого папашку, дышу туманом на борту огромного контейнеровоза где-то на самом севере Норвежского моря? Я расскажу, непременно расскажу, но чуть позже. А сейчас, судя по тому, как Юрий Иосифович машет призывно рукой, пора сходить на берег. Судя по всему, стоит поторопиться, Гартман не самый терпеливый научный руководитель. Да и самому интересно, ведь это вам не какие-то задрипанные Мальдивы. Это Гон ду'рус.

Глава 2

Готфрид решительно прокладывал себе дорогу через толпу. Многие, успев обернуться и увидеть конунга, отступали в сторону, остальных он бесцеремонно отталкивал со своего пути. Было не до любезностей. Наконец Готфрид сумел пробиться к скале, у подножия которой полукругом стояли стражники. Начальник стражи, умудренный опытом здоровяк Торбьорн, был уже на месте. Увидев конунга, он сделал шаг навстречу и, наклонившись, с высоты своего гигантского роста горячо зашептал прямо в ухо:

- Это действительно Алрик, нет никаких сомнений.
- Очень плохо, очень не вовремя, – проворчал конунг.
- Смерть всегда не вовремя, – мрачно кивнул Торбьорн, – особенно такая.
- Это правда, – Готфрид замялся, – то, что мне сказали?
- Смотри сам!

Торбьорн присел на корточки рядом с телом и немного приподнял край покрывала, которым был накрыт убитый. Конунг, кряхтя, тоже опустился на колени и, заглянув под ткань, отшатнулся. Три дня назад, выступая на малом совете, он обвинил Алрика в горячности, которая может навредить всему острову. В запале спора он крикнул своему оппоненту: «Алрик, зачем тебе голова? Ведь ты уже совсем потерял ее от глупости и гордыни. Ты считаешь, что ты Алрик – великий? Нет же, ты Алрик – безголовый».

И вот теперь Алрик, посмеявшийся спорить с самим конунгом, действительно потерял голову. Могучая шея обрывалась страшной темной раной, кровь на которой уже успела застыть. Голова дерзкого спорщика была отсечена одним сильным ударом меча. Вот только самой головы под покрывалом не было.

- Тот, кто сделал это, унес голову с собой. Скорее всего, выбросил в море.
- Тот, кто это сделал, должен быть найден, – сурово отозвался Готфрид.

Он медленно поднялся, подошел вплотную к начальнику стражи. Их бороды касались друг друга.

– Ты должен найти его, Торбьорн, иначе все обвинят в этом убийстве меня самого. – Конунг говорил тихо, так, чтобы окружающие их не слышали.

– Разговоры уже идут, но пока шепотом, – Торбьорн уныло пожал плечами, – у нас не было убийств больше десяти лет.

– И все десять лет ты получал плату за свою службу, – гневно перебил вождь, – пора доказать, что деньги были уплачены не напрасно.

Начальник стражи горделиво вскинул голову:

– Ты прав, вождь. Пришло время доказывать. Только мне кажется, что доказывать придется слишком много, и не мне одному.

Готфрид промолчал. Он смотрел за спину стражников, обступивших место убийства. Смотрел на столпившихся людей, которые переговаривались между собой и, очевидно, уже строили свои догадки о том, что случилось. Оглядывая толпу, вождь встречал и взгляды, направленные на него. Пока в этих взглядах он видел только удивление и испуг, но все могло измениться. Достаточно парочке болтунов почесать свои длинные языки, и в этих взглядах удивление сменится подозрением, а страх – неприязнью.

Вождь сделал шаг вперед и отстранил одного из стражников. Толпа мгновенно замолкла. Все ждали, что скажет конунг. Что сказать людям, Готфрид впервые за долгое время не знал. Но этого не должны были узнать собравшиеся. Поэтому он набрал полные легкие воздуха и начал говорить.

Нагруженный рюкзаками, я медленно спустился по трапу. Потом вновь поднялся на борт и загрузился баулами. Управился я за пять ходок. Не многовато ли вещей для такой маленькой экспедиции? Я разделяю ваши сомнения. А вот Юрий Иосифович – нет. Три раза из пяти я, обливаясь потом, тащил на берег именно его баулы. Еще один рейс был заполнен нашим экспедиционным барахлом – спутниковыми телефонами, ноутбуками и прочей канцелярией. И только лишь во время последнего спуска я был загружен своими личными вещами, уместившимися в двух здоровенных рюкзаках. К тому времени, когда все наше ценное имущество, которое путешествовало непосредственно с нами, а не в контейнерах, оказалось на берегу, я изрядно подустал. Мышцы ног стали ватными, а спина противно ныла где-то в районе поясницы.

Все то время, пока я таскал баулы, мой научный руководитель, чье чувство собственного достоинства не уступало по размеру гигантскому интеллекту и не позволяло ему принять участие в столь ненаучном времяпрепровождении, беседовал с встречающим нас командиром базы. Когда я, обессиленный, подошел поздороваться, то, к моему немалому удивлению, Юрий Иосифович представил меня беседующему с ним человеку как перспективного молодого ученого, а вовсе не как штатного носильщика. На какое-то мгновение я даже испытал некое подобие чувства благодарности к Гартману, но тот быстро все разрушил.

– Эдуард, вы грузите сумки на тележку, а мы с господином Ларсеном немного пройдемся вдоль берега.

Я кивнул вслед удаляющейся широкой спине профессора. Рядом с ним Матиас Ларсен, командир исследовательской базы ООН, казался просто тростинкой.

– Пузырь и соломинка, – хмыкнул я, глядя на уходивших все дальше от меня болтунов, затем перевел взгляд на наши многочисленные пожитки, – а я, судя по всему, лапоть.

Вещи в небольшую металлическую тележку, прицепленную к квадроциклу, я перекидал быстро. Гартмана и Ларсена по близости не видно, а того, что было чуть дальше, и вовсе невозможно увидеть. Туман. Как мне рассказывали, туман висел над островом триста двадцать – триста тридцать дней в году. Не самое лучшее место для обитания человека и, тем не менее, люди не только сумели здесь выжить, но и неплохо расплодились. Легенда гласит, что почти девятьсот лет назад сюда сумели добраться десяток суденышек, битком набитые скрывающимися от нашествия викингов жителями Британских островов. Не успели измученные гонды, а именно так звали представителей бежавшего от войны племени, перевести дух и понять, куда же их занесли ветер и морские волны, как из вязкого серого тумана показались два ощерившихся копиями драккара. Неожиданно устрашающие крики ярости, несшиеся с драккаров, сменились воплями страха и отчаяния. Оба боевых корабля викингов налетели на подводные скалы и стремительно тонули. Побросав свое тяжелое, самоубийственное в воде оружие и доспехи, обессиленные воины вплавь добирались до берега, где их встречали пусть и кое-как, но вооруженные гонды, к тому же превосходившие своих недавних преследователей числом в несколько раз.

А дальше произошло то, что в нашем относительно цивилизованном веке случается не часто, а в те времена иначе как чудом назвать невозможно. Сомхэрл – старейшина гондов, согласно все той же легенде, ведший свое происхождение от древних друидов, запретил убивать викингов. Каждый из воинов скандинавского племени поклялся на крови жить в мире с теми, кто подарил им вторую жизнь, а их предводитель дал клятву именем своих братьев Рюрика, Трувора и Синеуса. Свою клятву викинги приносили у подножия огромной черной скалы, возвышавшейся над океаном. «Да будет наше слово крепче этого камня» – так, по легенде, завершил свою речь Хольмгер Отважный, конунг племени свирепого, но верного своему слову племени русов.

Надеюсь, я увижу Скалу Клятвы, если вообще хоть что-то смогу увидеть в этом жутком тумане. Неожиданно вынырнувшие из серого неоткуда две темные фигуры прервали мои размышления.

– Эдуард, вы уже управились? – притворно изумился Гартман. – Надеюсь, мы с моим другом Матиасом не заставили вас долго ждать?

Я посильнее втянул ноздрями воздух. Так и есть, эти два болтуна-интернационалиста уже успели накатить за знакомство.

– А мне не налили. – Я с упреком взглянул на профессора.

Гартман ни капли не смутился.

– Эдуард, я смею надеяться, что цель вашего прибытия сюда все же научная. А не желание выпить на свежем воздухе, подальше от цивилизации и родительского надзора.

– Все предыдущие дни, Юрий Иосифович, я предполагал, что у нас с вами одна цель прибытия на эту обетованную землю.

Профессор широко улыбнулся:

– Ценю, искренне ценю вашу юношескую напористость и максимализм. Господин Ларсен приглашает нас с вами на торжественный ужин по случаю нашего прибытия. Я думаю, там у нас будет замечательная возможность сверить наши цели, а заодно проверить, не сбился ли у кого-то прицел.

Ларсен взгромоздился на квадроцикл. Мотор взревел, и груженная нашими вещами тележка неторопливо покатила по расчищенной от валунов тропе. Мы с профессором поспешили вслед за ней и минут через десять оказались на территории исследовательской базы. База представляла собой двухэтажное здание модульного типа, в котором жили и работали около сорока человек. Оно имело форму гигантской буквы П, повернутой основаниями ножек к югу. По замыслу проектировщиков, солнце должно было освещать двор базы. Возможно, оно это иногда и делало, но, судя по заросшим мхом стенам, явно нечасто. Когда мы вошли на территорию, автоматические ворота с противным дребезжанием закрылись за нашей спиной.

– Завтра утром, после инструктажа по безопасности, вам выдадут электронные ключи от ворот.

– От кого запираемся, от белых медведей?

Ларсен сдержанно улыбнулся:

– Местные жители, они как дети, необыкновенно любопытны. Они уже успели разобрать двигатель от моторной лодки и пару квадроциклов. Это было довольно давно, но с тех пор мы предпочитаем держать все за закрытыми воротами. Впрочем, обо всем этом вам расскажет руководитель нашей службы безопасности во время инструктажа. А сейчас вы можете отдохнуть с дороги, обустроиться в своих апартаментах. В пять часов жду вас на ужин по случаю вашего приезда. Будут почти все сотрудники.

Нашими апартаментами оказались две небольшие отдельные комнаты общажного типа, выходившие в малюсенький – полтора на полтора – тамбур, из которого можно было попасть в туалет, совмещенный с душевой. Не бог весть что, но после нескольких суток совместного пребывания в двухместной каюте с Юрием Иосифовичем я был рад и этому. Вы находились когда-нибудь в замкнутом пространстве с человеком под сто сорок килограммов весом? Такие люди зачастую сильно храпят, а еще из-за переизбытка веса они часто сильно потеют. Гартман делал и то, и другое, надеюсь, что не со зла, но мне от этого было не легче. И вот наконец – о радость! – я обрел свое персональное логово.

Приободренный, я помог профессору занести его сумки в комнату. Снаряжение экспедиции было решено хранить в моей комнате. Кем было решено, уточнять не буду, но я голосовал против. Комната размером два на четыре вообще не создана для того, чтобы ее перегружали лишним барахлом. Очевидно, осмотрев свои апартаменты, профессор пришел именно к этому выводу, так как, заглянув ко мне, он хитро прищурился и выдал замечательную фразу:

– Я смотрю, у вас здесь очень уютно, Эдуард, и стол есть. Я думаю, это помещение идеально подходит для нашей научной деятельности. – После чего вышел еще до того, как я успел поинтересоваться наличием стола в его собственной комнате.

В порыве мести я первым успел занять душевую и, как следует смыл с себя дорожную пыль, или уж не знаю, чем я мог покрыться за время четырехдневного путешествия на «Звезде Шанхая», продолжал сливать горячую воду из накопительного обогревателя, пока температура воды в обоих кранах не уравнилась.

После чего, известив профессора радостным криком о том, что душ свободен, я заперся в своей комнате, закрыл жалюзи и, спустя минуту, уже с блаженством укутался белоснежным одеялом на предусмотрительно заправленной к нашему приезду кровати. Из-под одеяла торчало только одно ухо, которым я тщательно мониторил обстановку за стенкой, в душе. Вот хлопнула дверь в тамбуре, очевидно, Николай Иосифович вышел из комнаты. Вот еще громче хлопнула дверь в душевой, с шумом полилась вода. Какая здесь слышимость, однако, и девчонку ведь не притащишь. Интересно, как тут на базе с женским полом обстоит? Однако странно. Никаких тебе возмущенных возгласов, никаких упреков. Он там что, моется? В ледяной воде? Судя по шуму из душевой, именно так и обстояло дело, а чуть позже я услышал звуки, окончательно меня обескуражившие. Гартман пел. Пением его протяжные завывания назвать можно было с большой натяжкой, но тем не менее я вполне отчетливо слышал:

Отчего так в России березы шумят?
Отчего белоствольные все понимают...

Титан! Стоик! Святой человек. Такого холодной водицей не проймешь. Ничего, будет повод, я придумаю что-нибудь поинтереснее. А пока я поплотнее завернулся в одеяло и мгновенно заснул. Я всегда хорошо сплю на новом месте.

Через два часа противно завибрировал будильник в наручных часах, а еще через час мы с Гартманом входили в помещение столовой, разместившееся на первом этаже верхней перекладки той самой буквы П, о которой я вам уже говорил.

Столы были сдвинуты вместе, и все происходящее чем-то напоминало небогатую свадьбу, для которой арендована районная столовая. Я бывал пару раз на подобных мероприятиях у своих однокурсников. Роль жениха с невестой, очевидно, отводилась мне и профессору, во всяком случае, место во главе стола приберегли именно для нас. Оставалось только надеяться, что обойдется без криков «Горько!» и прочих сопутствующих безобразий. Как ни крути, профессор был уже не молод, страдал ожирением и вообще не относился к тому типу мужчин, который вызвал бы у меня сексуальное возбуждение. Скажу вам честно, мужчины в принципе не вызывают у меня подобных эмоций. Я все больше по дамам. На столе в моей комнате лежало несколько листов бумаги, на которых поименно были перечислены все работающие на станции сотрудники, указаны их должности, гражданство и даже размещены небольшие цветные фотографии. Перед тем как направиться на званый ужин, я пробежал глазами список и теперь внимательно выискивал среди присутствующих тех особ женского пола, которые показались мне симпатичными на фото.

Скажу вам без лишней скромности, у меня превосходная память, особенно хорошо я запоминаю все то, что увидел или прочитал; когда я воспринимаю информацию на слух, результаты не столь впечатляющие, но лучше, чем у подавляющего большинства окружающих меня людей. Так что знайте: я крайне злопамятный парень.

Тех самых особ женского пола, которые заслуживали моего внимания, было всего две, и обе были замужем. Жаклин Беар – канадка, очевидно, французского происхождения, сидела совсем недалеко от меня, всего через три салата. Миниатюрная брюнетка с ослепительной белоснежной улыбкой и в столь же белоснежной водолазке, так замечательно обтягивающей

ее довольно крупную для столь изящной фигуры грудь. Периодически эту белоснежную грудь и прекрасную улыбку от меня закрывал наклоняющийся к горячему муж Жаклин, Фредерик Беар, сорокалетний лысеющий орнитолог с выдающейся вперед нижней челюстью и носом, которому мог бы позавидовать любой из объектов его исследований. Сама Жаклин, как я узнал из буклета, была медсестрой и работала в местном медпункте.

Вторая красотка, такая же темноволосая, как и Жаклин, но только более высокая и с коротким каре, сидела совсем далеко от меня, почти на другом конце стола. Звали ее Берит Берг. Мне сразу же очень понравилось созвучие имени и фамилии. Я всегда обращал на это внимание, ибо по образованию я филолог и всегда находил особую красоту в том, как отдельные буквы складывались в порой неожиданно звучащие слова, те, объединяясь в группы, рождали предложения, которые, сливаясь в шумную толпу, давали людям тексты. Не просто тексты, а легенды, поэмы, повести, в которых пряталась, а иногда только в них и открывалась история больших народов и малых народностей. Именно по этой причине я и оказался на этом затерянном на краю географии острове.

Тем временем, пока я поочередно разглядывал брюнетку и брюнетку, Матиас Ларсен кратко представил нас присутствующим и провозгласил тост за наше прибытие на остров. Что именно он говорил, я не слышал, но, когда вся толпа радостно загудела и бокалы взмыли вверх со стола, я тоже не остался в стороне, схватил бокал с темно-коричневой жижей и опрокинул в рот. Виски, похоже, ирландский, неразбавленный. Недурно, очень недурно. Только льда не хватает.

До ведерка со льдом я сам не дотягивался и прибег к помощи месье Беара. Канадец явно был удивлен, когда я обратился к нему по имени, да еще на французском, который был явно не в ходу среди собравшихся. Так я получил лед и союзника. Лед мне был нужен для виски, а союзник не знаю зачем, но наверняка пригодится.

Не знаю, что у кого в голове было на самом деле, но, судя по обилию тостов за наше с Гартманом здоровье и за новых друзей из далекой России, общемировая политическая обстановка на обитателей базы явно не давила. Ученые в большинстве своем далеки от политики, а здесь, очевидно, собрались представители большинства. Лица у всех уже слегка покраснелись, улыбки стали не столь интеллектуальны, но зато естественнее, а рюмки и бокалы делали свое дзынь все чаще и чаще. Не пили за столом только трое. Два охранника, которым, очевидно, предстояло заступать на ночное дежурство, и невысокий, крепко сложенный господин с коротко стриженным ежиком светлых волос. Джозеф Липман. Англичанин и психолог. И те, и другие вызывают у меня необъяснимую неприязнь, возможно, потому, что всегда стараются казаться умнее других. Непьющий англичанин вызывал у меня неприязнь вдвойне.

Это сугубо мое личное мнение, но думаю, что человек, который совсем не пьет, почти всегда с гнильцой. Это гниль либо от какой-то незримой болезни, либо гниль тоже невидимая, но еще более опасная, гниль душевная. Многие из тех, кто отказываются от алкоголя, просто боятся, что в состоянии алкогольной расслабленности не смогут себя контролировать, и эта гниль вырвется наружу, а окружающие увидят нечто такое, чего бы им лучше никогда не видеть. Вот по Гартману сразу видно – приличный человек, может перепить капитана дальнего плавания. Когда я во время пьянки на корабле вернулся из галюна, где провел полчаса, не меньше, оказалось, что первый помощник уже ушел спать к себе в каюту, а капитан, уставившись остекленевшими глазами на экран небольшого телевизора, висевшего на стене, не реагировал на внешние раздражители. Юрий Иосифович добродушно похлопал отрубившегося морского волка по плечу и озорно подмигнул мне:

– Мы выиграли, два – один в нашу пользу.

Я так понял, что «один» – это я, и не стал спорить. Я и сам успел немного вздремнуть во время отлучки. Интересно, сколько времени меня не было.

На правах победителя Гартман достал из коробки пару запечатанных бутылок «Абсолюта» и сунул под мышку.

– Пойдемте, юноша, пора баиньки. Завтра мы будем в Гондурасе.

– В Гонду'ресе, Юрий Иосифович, – поправил я профессора.

– Точно, в Гонду'ресе, – согласился Гартман, – Гондурас – это то место, откуда мы приехали.

Держась за перегородки, мы, слегка покачиваясь, медленно шли к своей каюте. У двери профессор замер, о чем-то напряженно задумался.

– Старпом в отключке, капитан ничего не сообщает, а корабль идет. Удивительно, юноша!

– Ничего удивительного, Юрий Иосифович, так принято. – Я мягко, но настойчиво попытался пропихнуть профессорскую тушу в каюту.

– Где принято? Кем? – изумился Гартман.

– Да везде принято, везде. Давайте спать уже, Юрий Иосифович.

– Везде... Это ужасно. – Профессор горько вздохнул.

Он захрапел раньше, чем его голова коснулась подушки.

Утром я проснулся от стука гигантского дятла, пытавшегося клювом проломить мне череп. Как только я открыл глаза, глупая птица мгновенно исчезла, однако стук не прекратился. Дверь сотрясалась от могучих ударов. Поскольку обнаружилась явная мистическая связь между входной дверью и моей головой, ибо с каждым ударом по створке моя бедная голова болела все сильнее, я поспешно отодвинул задвижку. В полумраке тамбура белел могучий торс профессора с накинутым на плечи розовым банным полотенцем. Прочими предметами гардероба Гартман не посчитал нужным воспользоваться в принципе.

– Сегодня что, день нудиста? – хмуро поинтересовался я.

– Сегодня наш первый рабочий день на острове, юноша, – громогласно известил меня руководитель экспедиции.

– Не вижу повода для столь бурного проявления восторга.

– Выпейте аналгинчику и откройте окно, мой юный друг. Вы поймете, что сегодня уникальный день.

– Как-то неохота поворачиваться к вам спиной, – протянул я с сомнением, но все же рискнул.

Когда я отодвинул жалюзи, то понял, что профессор был прав. День был уникальный. Это был тот редкий день, когда над Гонду'русом светило солнце.

Глава 3

В зале совета было немногочисленно. Готфрид призвал к себе только самых доверенных людей. Как это часто бывает, самые доверенные отнюдь не были самыми сообразительными, а конунгу, как никогда, был нужен толковый совет. Несколько сидящих вокруг каменного стола бородачей угрюмо смотрели куда-то в пол, время от времени вздохами выражая напряженную работу ума.

Ситуацию спасла присутствующая в зале Фрея, дочь Готфрида.

– На острове не так много мечей. Оружие на руках есть только у стражников, все прочее хранится под замком в оружейной. Надо собрать всю стражу и проверить меч у каждого воина. Затем надо осмотреть все мечи, хранящиеся в оружейной.

– Фрея, неужели ты думаешь, что тот, кто убил Алрика, так и ходит с окровавленным мечом в ножнах? – фыркнул Торбьорн. – Он уже давно вычистил оружие, на клинке не осталось и следа.

– Замечательно, – так же фыркнула в ответ дочь вождя, – мы узнаем, кто сегодня с утра начистил свой меч, и поинтересуемся, с чего бы такое рвение. Насколько я знаю, Торбьорн, твои богатыри не надраивают оружие ежедневно.

Торбьорн хмыкнул.

– Кроме того, отец, надо, чтобы было объявлено, что я буду проверять все мечи с помощью специального средства, которое позволяет увидеть даже смытую кровь.

– А оно у нас есть, доченька? – озадаченно уточнил Готфрид.

– Не важно, – отрезала Фрея, – пусть объявят, что я взяла его у людей, приплывших с Большой земли. Главное, чтобы в это поверили.

– Зачем нам обещать то, чего мы сделать не сможем? – продолжал недоумевать конунг.

– Затем, отец, что наказание за утерю меча, гораздо мягче, чем за убийство. В любом случае ты можешь быть уверен, что среди предъявленного тебе оружия не будет того клинка, которым отсекли голову несчастному Алрику.

– Алрик сам виноват, он слишком много болтал глупостей, – угрюмо пробурчал Готфрид.

– Ты только это на площади не скажи, папа, – резко отозвалась Фрея. – Алрика, конечно, следовало укоротить немного где-нибудь в районе языка, но не на всю же голову.

Конунг кивнул. Его красавица-дочь умела рассуждать, как настоящий мужчина. Точнее, большинству мужчин, находящихся в этом зале, следовало поучиться рассуждать, как Фрея.

– Хорошо, мы все сделаем так, как ты предлагаешь. Свен, Олле, помогите Торбьорну все организовать как можно быстрее.

Когда конунг принимал решение, то действовал быстро. Гулко хлопнула входная дверь. Все присутствующие обернулись на вошедшего. Седобородый Гуннар нерешительно мялся у входа.

– Гуннар, тебя каким ветром сюда занесло? – полюбопытствовал Свен – один из сидящих за столом советников Готфрида.

– Алрик ранил одного из нападавших. – Гуннар сделал нерешительный шаг вперед. – Я обнаружил кровь недалеко от берега, совсем рядом с тропой, по которой он шел к поселку.

– Это может быть его собственная кровь, – перебил Торбьорн, – убийца, очевидно, побежал к морю, чтобы бросить в него отрубленную голову, вот и наследил.

– Вот именно, что не наследил, – горячо возразил Гуннар, – даже удивительно, кровь есть только под самим телом убитого парня. Кровь с отрубленной головы не текла на землю вовсе, так, словно голову сразу же сунули в кожаный мешок или железный горшок.

– Горшок, ну ты скажешь, дед, – захохотал Свен, его толстые, отвисшие щеки побагровели. – В горшок кинули и суп сварили.

Однако его смех никто не поддержал. Увидев, что никто не смеется, осекся и толстяк.

– Я точно вам говорю, там, у берега, кровь одного из нападавших, – уверенно заявил Гуннар.

– Почему ты думаешь, что он был не один? – задала вопрос Фрея. – Перед тем как обезглавить, Алрику выстрелили в спину из лука. Разве не мог раненый убийца пустить стрелу?

Старик ненадолго задумался, а затем отрицательно покачал головой:

– Не мог, госпожа. С того места, где я обнаружил следы крови, выстрелить невозможно – одна из скал закрывает обзор. Стрелок гнался за Алриком, натягивая лук на бегу.

– Или он ждал в засаде чуть дальше от берега.

Старый Гуннар усмехнулся, огладил жидкую бороду.

– Госпожа очень умна, но она ошибается. В Алрика стреляли дважды. Первый раз стрела только оцарапала его, я думаю, задела голову.

– Старик, ты рассуждаешь так, словно видел все происшедшее, – с недоверием процедил молчавший до этого времени Свен.

– Я нашел стрелу, ее наконечник в крови, – Гуннар уже освоился и держался с достоинством, – но на теле Алрика других ран, кроме той стрелы, что торчала у него из спины, не было. А это значит, что ранен он был в голову, но совсем не сильно, так как смог бежать дальше.

– Ты молодец Гуннар, будь ты помоложе, ты мог бы сменить Торбьорна на посту начальника стражи, – не удержался конунг.

Торбьорн молчал, нахмурившись. Старый Гуннар сдержанно поклонился вождю:

– Я был моложе, Готфрид. Три конунга сменились на моем веку, но все они предпочитали держать при себе людей больше верных, чем зорких. Возможно, находясь при власти, зоркий человек может увидеть слишком много лишнего?

– Возможно, кто-то болтает слишком много лишнего, – рявкнул Торбьорн, – мы тебя выслушали, старик. Если тебе нечего больше сказать о происшедшем, то уходи. Хотя, быть может, ты благодаря своей зоркости сумел разглядеть и убийцу?

Гуннар лишь покачал головой и направился к двери, когда Фрея окликнула его:

– Подожди, старик. Ты сказал, что нашел стрелу. Она у тебя с собой? Покажи ее нам.

Гуннар медленно, чуть шаркая ногами, подошел к огромному черному столу, положил на него кожаную заплечную сумку. Все молча следили за тем, как старик достал из сумки переломленную надвое стрелу.

– О скалу ударилась, переломилась, – озвучил Свен то, что и так всем было очевидно.

– Стрела точно такая же, как и та, что торчала у Алрика из спины, – прогудел Торбьорн, – но что нам это дает? Таких стрел полно у каждого. Всего два мастера делают стрелы для охоты, эту изготовил, как мне кажется, Холле, но таких стрел тысячи.

– Не будем терять время, – попытожил конунг, – собирайте стражу и членов большого совета – всех, кто имеет право носить мечи. А тебя, старик, – обернулся вождь к Гуннару, – я благодарю. Не знаю, поможет ли нам твоя наблюдательность, в любом случае лучше знать хоть что-то, чем не знать совсем ничего.

Щелкнул замок калитки, и мы, сопровождаемые заместителем Ларсена по безопасности, наконец покинули территорию базы. Худошавый, широкоплечий, с тем типом лица, который часто по недомыслию называют интеллигентным. Высокий лоб, четко очерченные скулы, прямой римский нос, на котором прекрасно смотрятся очки в тонкой позолоченной, а может, и золотой оправе. В толпе ученых, собравшихся на этом клочке суши, Клаус Зиверс явно сразу сошел за своего.

Да и манера общения у бывшего майора бундесвера была весьма любезная. В буклетах, предоставленных нам при заселении, о его биографии не было сказано ни слова, однако перед выездом из Питера нас с профессором другие вежливые люди с интеллигентными лицами

заставили внимательно ознакомиться с некоторыми документами, среди которых было и достаточно подробное досье херра Зиверса. Спецназовец, командир диверсионной группы, затем сотрудник антитеррористического центра. Непростого парня прислали немцы на, казалось бы, заурядную должность ответственного за безопасность небольшой базы на маленьком клочке земли, затерянном в холодных северных водах.

Еще на базе Зиверс выдал нам электронные браслеты, открывающие ворота, и навигаторы с подробной картой острова.

– Иногда туман такой, что не видно пальцев вытянутой руки, без навигатора перемещаться физически невозможно. Причем сгущается он так быстро, что нельзя успеть вернуться домой, если ты ушел дальше чем на километр. Местные жители если уходят далеко от поселка, то просто садятся на землю, заворачиваются в плащ и ждут, когда туман немного рассеется. Иногда им приходится так сидеть больше суток. Так что, для вашей же безопасности, не оставляйте их в комнате. Конечно, вам не придется сутки сидеть на холодных камнях, в браслеты вмонтированы GPS-передатчики, по ним мы всегда сможем вас найти.

– Никакой личной жизни, – возмутился я, – а если мне надо с кем-то уединиться? Про это сразу будет знать вся служба безопасности?

Зиверс с улыбкой кивнул:

– Хочу сообщить вам, Эдди, что все сотрудники женского пола, работающие на базе, замужние дамы и уединяться с ними, тем более пытаться сделать это тайно, крайне не рекомендуется. Это может испортить благожелательную атмосферу в нашем небольшом коллективе. Что же касается представительниц местного населения, то напомним, что перед отправкой сюда вы подписывали некоторые обязательства, в числе прочего было и обязательство по выполнению договора о дружбе, заключенного комиссаром ООН и местным конунгом. Согласно этому соглашению, физический контакт с представителями местного населения крайне ограничен, а сексуальные отношения находятся под категорическим запретом. Нарушитель данного положения будет депортирован с острова первым же рейсом, а до прибытия корабля будет помещен в изолятор.

– У вас еще и тюрьма тут есть? – изумился я.

– Изолятор, – поправил меня Зиверс. – Там достаточно комфортно, но скучно. А с учетом того, что рейсы на остров корабли совершают не чаще, чем раз в три-четыре месяца, то скучать можно довольно долго.

– И давно это соглашение приняли?

– Лет тридцать назад.

– В него давно пора внести поправки, – уверенно заявил я.

– Все может быть. – Легкая улыбка по-прежнему не покидала лицо Зиверса. – Вам надо направить письменное предложение в комиссариат ООН по делам народов Севера. Его непременно рассмотрят.

– Угу, завтра же и накатаю.

На этом наша легкая дискуссия была завершена, и Зиверс продолжил инструктаж:

– На карте в навигаторе выделены зоны трех цветов, так называемый светофор. Самая маленькая – зеленая зона – территория в радиусе километра от базы и портовая часть. По зеленой зоне вы можете перемещаться без всяких ограничений, все, что от вас требуется, – это возвращаться на базу до десяти вечера.

– Это знакомо, – кивнул я, – у мамы, помнится, примерно такие же требования были, только я тогда маленький еще был.

– Сейчас вы, несомненно, выросли, – согласился Клаус, – но требования сохранились. Так бывает. И взрослая жизнь состоит из ограничений. Продолжу. Желтая зона. Северо-западная часть острова. Там нет лесов и населенных пунктов, местные заходят туда достаточно редко. Ваше пребывание там достаточно свободно, однако перемещаться можно минимум по двое,

и вы должны за день оставить уведомление в службе безопасности. Это делается только для того, чтобы мы точнее вас могли отследить и вовремя прийти вам на помощь в случае необходимости. Красная зона. В нее входят Новый город с прилегающими окрестностями и поселок рыбаков. В жилые районы мы входим только, заранее уведомив местные власти, и с сопровождающим.

– Какие строгости. Не чересчур?

– Однозначно не скажешь, – пожал плечами немец, – но всему есть свои причины. Почти за пятьдесят лет с момента, как остров открылся остальному миру, здесь совсем ничего не менялось, только раз в год приходил корабль, груженный углем и минимальным набором простейших предметов первой необходимости.

– Я помню, в шестьдесят восьмом году был репортаж про остров в программе «Время», – отреагировал профессор, – я был еще совсем мальчишкой. Было так удивительно слышать про то, что где-то на Крайнем Севере благодаря снимкам со спутников обнаружена земля, где живут люди, причем белые люди, как в настоящем средневековье. До этого слово «дикари» ассоциировалось у меня только с аборигенами каких-то тропических островов.

– Удивительно, как их за эти годы еще никто не окультурил, ну или хотя бы не колонизировал. Это же соответствует европейским традициям? – Я подмигнул Зиверсу, но тот только усмехнулся и промолчал.

– Момент был неудачный. А может быть, как раз удачный, кто знает, – ответил мне Гартман, – американцы тогда сильно увязли во Вьетнаме, у них шли постоянные волнения и демонстрации. Люди требовали вывода войск. Джонсон досиживал в Белом доме последние месяцы. Новая агрессия и обострение отношений с Советским Союзом были никому не нужны. Территориально, да и исторически на остров, очевидно, могли бы претендовать Норвегия, Британия или Исландия, но они не смогли выработать единой позиции, и тогда с подачи СССР ООН приняла решение о демилитаризованном статусе острова, что-то наподобие Антарктиды. И только два года назад была принята программа развития этой территории.

– Да, так и есть, – подтвердил Зиверс, – за это время на острове уже начали строить больницу и почти решен вопрос по школе. К сожалению, Россия не сразу включилась в действующую программу, возможно, с вашим при бытием ситуация изменится.

– Не сомневайтесь, Клаус, если уж мы где появились, то непременно оставим свой след в истории.

– Главное – сильно не натопать. – Искривленная акцентом фраза на русском языке резанула ухо.

– Да вы шутник, господин Зиверс, – усмехнулся Гартман, – шутник-полиглот.

– Не думаю, что раскрыл для вас что-то новое, – немец вновь перешел на английский, – уверен, что соответствующие службы ознакомили вас с моим досье.

Гартман хотел ответить, но я успел быстрее:

– Вы знаете, Клаус, я вас разочарую. Нет. Ваше досье мы не видели. Досье Ларсена нам показывали, еще парочку, а ваше, извините, нет. Сказали, что фигура зама по безопасности слишком незначительна и не заслуживает нашего пристального внимания.

Зиверс некоторое время шел молча рядом с нами, затем резко остановился.

– Вы конфликтный человек, Эдди. Остров – это замкнутая система. Не лучшее место для конфликтов.

– Весь наш мир замкнутая система. Чтобы его покинуть, как правило, надо умереть. И тем не менее вся мировая история – это история конфликтов. Парадокс, не правда ли?

Наконец мы достигли вершины, на которую поднимались во время нашего непринужденного общения. То, что я увидел с перевала, заставило меня забыть о Зиверсе, а точнее, заставило меня забыть обо всем на свете. Открывшаяся картина потрясала своим величественным великолепием. Гартман, не менее пораженный увиденным, замер рядом со мной.

Представьте себе блюдце диаметром порядка двадцати километров, наполненное водой. Представили? Сомневаюсь. Но именно такое блюдце лежало прямо перед нами. Чтобы достичь его, оставалось лишь спуститься вниз с той самой точки, на которую мы так долго взбирались. Вода в блюдце, подогреваемая гигантским невидимым кипятильником, интенсивно парила и, казалось, вот-вот закипит. По счастью, так казалось вот уже почти тысячу лет, именно столько племена русов и гондов жили на берегу этого удивительного озера.

С вершины холма был отлично виден растянувшийся на несколько километров вдоль изогнутой береговой линии Новый город. Именно так называли свое пристанище занесенные сюда по воле волн поселенцы. Людей на таком расстоянии было не разглядеть, видны были лишь темные коробки домов, да кое-где поблескивали на солнце медные крыши. Относительно пологая полоска земли, окружающая озеро, не превышала по ширине десяти километров, затем градус уклона резко возрастал, постепенно переходя в почти отвесные склоны. Гигантская горная гряда окружала долину, защищая ее от холодных ветров, которые в этих широтах были холодными вне зависимости от того, северные они или южные. Хотя, с научной точки зрения, называть все эти вершины отдельными горами, очевидно, было неправильно. Как зубья короны представляют собой части единого целого, так и эти каменные гиганты были частью одной гигантской горы, равной которой в мире больше не было. Весь остров и был, по сути, этой одной горой невероятных размеров. Это был пусть не самый высокий, но зато самый большой в диаметре вулкан в мире, в гигантском кратере которого находились и озеро, и город, и тысячи его обитателей. Вода в озере, постоянно подогреваемая теплом, исходящим из чрева гигантского вулкана, постоянно была теплой, ее температура, как я знал, никогда не опускалась ниже двадцати градусов, а порой достигала и двадцати пяти. Всяко теплее, чем в Байкале. Благодаря этому в долине и существовал уникальный микроклимат, позволявший ее обитателям вполне сносно жить в тех широтах, где, как правило, хорошо приживалась лишь вечная мерзлота. Пар, интенсивно поднимающийся с поверхности воды, был причиной почти круглогодичных туманов. С одной стороны, этот туман безжалостно скрывал солнце, а с другой, этот же туман сотни лет скрывал и сам не такой уж маленький остров от глаз пиратов, китобоев и прочих первооткрывателей. Хотя кто знает, может быть, все это была одна сторона, и острову было бы гораздо лучше, если бы цивилизация обнаружила его пару сотен лет назад. Тогда жители его наверняка бы приняли участие если уж не в первой, то хотя бы во второй мировой, а не влачили столь скучное и размеренное существование. Ведь история любой страны – это история завоеваний. Ее. Ею. А этим бедолагам за тысячу лет и вспомнить нечего!

– А ведь мы стоим на ободке гигантской кастрюли, в которой что-то варится на медленном огне, – задумчиво пробормотал Гартман.

– Главное – не оказаться здесь, когда эта кастрюлька закипит.

– Вам не о чем беспокоиться, – Зиверс снисходительно улыбнулся, – коллега профессора Гартмана, господин Робертс, проводит постоянный мониторинг процессов, происходящих на глубине озера. Он считает, что ситуация стабильна. Этот остров не опаснее Йеллоустонского парка.

– Не уверен, что это хорошее сравнение. – Профессор был все так же серьезен.

– А что, в Йеллоустоне опасно? Я там был как-то с отцом.

– Есть такие оценочные суждения. – Гартман почесал изогнувшуюся домиком густую бровь. – Они, конечно, весьма условны, и вероятность гигантского извержения в Йеллоустоне равняется четырнадцати сотысячным доли процента в год.

– Ну, так у нас есть девяносто девять целых и еще фиг знает сколько сотысячных долей, что в этом году ничего не случится. Ни здесь, ни в Йеллоустоне.

– Девяносто девять тысяч девятьсот восемьдесят шесть. – Кроме русского Зиверс, оказывается, владел и азами математики.

– Вы, несомненно, правы с точки зрения арифметики, господин Зиверс, – откликнулся на наши вычисления Юрий Иосифович, – однако все эти расчеты основаны лишь на данных по нескольким предыдущим извержениям, а геологические процессы не происходят по расписанию, предсказать их полностью невозможно.

– Вы очень пессимистично настроены. – Немец смотрел в сторону озера, словно ожидая, что оно закипит прямо в эту минуту.

– Что вы, герр Зиверс, все совсем наоборот, иначе бы я сюда не приехал. Однако своих партнеров, как и своих противников, стоит трезво оценивать. Во избежание недоразумений.

– Вы это сейчас говорите о вулкане или обо мне? – не понял немец.

– Я геолог, герр Зиверс, меня в первую очередь интересуют геологические процессы. – Гартман извлек откуда-то из-под куртки небольшой походный бинокль и начал осматривать долину, давая понять, что разговор окончен.

Я хлопнул Зиверса по плечу:

– А вот я совсем не геолог, герр Зиверс.

Некоторое время мы стояли молча, любуясь удивительным пейзажем. Потоки пара белыми струями непрерывно текли вверх, где на высоте нескольких сотен метров, чуть выше вершин скал, окружающих долину, цеплялись друг за друга, сплетались в узлы причудливой формы и, наконец, превращались в мягкую, но прочную ткань облаков. Где-то над нами дул сильный ветер, совсем не ощутимый даже на перевале. Этот ветер подхватывал только образовавшиеся в голубом небе куски бело-серой ткани, скручивал их и уносил куда-то в океан, освобождая место для все новых и новых полотен. Я знал, что пройдет еще несколько часов, ветер стихнет, и непроглядная унылая пелена накроет остров, укутает и спрячет его так, что он будет невидим даже всевидящим камерам висящих на орбите космических аппаратов.

– Идем вниз? – Я хлопнул немца по плечу и уже сделал шаг вперед, намереваясь начать спуск в долину, но Зиверс придержал меня за рукав.

– К сожалению, долину вы сможете посетить только завтра. Я уже внес вас в предварительную заявку. Господин Гартман сможет приступить к работе в компании со своим американским коллегой, а вас, уважаемый «не геолог», будет ждать представитель местной церкви.

Увидев мое удивление, Клаус снисходительно пояснил:

– Островная библиотека, если это можно так назвать, а также архив находятся в ведении здешней церкви. Она же выполняет роль цензора. Так что вам придется иметь дело с местными иерархами.

– Да уж, обрадовали, – я передернул плечами, – никогда попов не любил.

Зиверс в ответ усмехнулся:

– Вы так много всего не любите, Эдди. Я бы сказал, чересчур. Но в данном конкретном случае, пожалуй, с вами соглашусь. Я сам недолюбливаю служителей культа, причем не важно какого. Ну а местные персонажи, – он еще раз усмехнулся, – я думаю, вы заставите друг друга попотеть.

– Потеть вместе с попом, вот уж радость. Мне достаточно того, что я делю душевую на двоих с профессором.

– Вы же не принимаете душ одновременно? – уточнил Зиверс.

– Нет, но профессор оставляет сушиться в душевой свое нижнее белье.

– А что же, я должен сушить белье в своей комнате? – Гартман был, как всегда, рассудителен. – Там я провожу гораздо больше времени, чем в душевой. Я не возражаю, если и вы будете вешивать свое рядом. Или вы не стираете?

– Я бы с радостью, профессор, но ваши семейные труселя занимают все пространство нашего санузла. В него невозможно зайти, чтобы в них не запутаться.

– Это хорошо, когда в отношениях партнеров много юмора, – глубокомысленно заметил Зиверс и добавил: – А сейчас я предлагаю пройти в порт. Там вы сможете получить все необходимое вам оборудование и прочий груз вашей экспедиции.

Мы двинулись в сторону берега. Несколько сотен метров все шли в задумчивом молчании. В конце концов мне это надоело и я догнал немца.

– Скажите, Клаус, а почему вам попы не нравятся?

Зиверс, прищурившись, взглянул на меня, словно решал, стоит ли говорить со мной серьезно. Тем не менее он ответил:

– Мой отец тоже был военный. Когда я был мальчишкой, он учил меня, что надо говорить либо правду, либо говорить, что ты эту правду не знаешь. А когда слово «не знаю» заменяют словом «верю», то ничего хорошего из этого не выходит.

– О, ваш отец был мудрый мужчина.

– Почему был? – улыбнулся Клаус. – Он и сейчас вполне здоров.

– Entschuldigen Sie⁴, это хорошо, когда родители здоровы. Ну а насчет веры ваш отец попал прямо в точку.

– Да, я с ним полностью согласен, – кивнул Зиверс, – еще в училище, когда мы изучали военную историю, я обратил внимание, как много войн было под знаменем веры. Не обязательно в Бога, но в любом случае это была слепая, ни на чем не основанная вера. Если бы вожди на своих знаменах вместо «я верю» писали бы «я не знаю», человеческая история была бы гораздо гуманнее.

– Как с такими взглядами вы попали в армию? – поинтересовался Гартман.

– Мне с детства нравилась военная форма, – рассмеялся Зиверс. – Осторожно, здесь крутой спуск.

Порт был уже виден, до него оставалось не более километра. Множество поставленных друг на друга морских контейнеров разного цвета издали казались элементами гигантского конструктора.

– Клаус, правильно ли я понял, что, как истинный сын своего отца, вы всегда говорите правду? Или это слишком нескромный вопрос?

– Я бы сказал, что это слишком наивный вопрос, но я отвечу на него так. Я всегда стараюсь говорить правду, если только это не противоречит интересам службы или моей страны.

– Службы? Но вы же уже не военный, если я правильно понимаю.

– И тем не менее. В каком-то смысле я исполняю обязанности начальника здешней полиции.

– Вот как? Вы комиссар полиции Гонду'руса? Это круто!

– Нет, только базы. Во внутренние дела аборигенов мы не вмешиваемся. Кстати, – Зиверс внимательно всмотрелся куда-то вдаль, – если не ошибаюсь, сейчас вы познакомитесь с конунгом этого острова, зовут его Готфрид, весьма колоритная фигура, хотя, как мне кажется, вас больше заинтересует его дочь.

– Дочь? Она взрослая?

– Сейчас вы с ней познакомитесь, вон она идет рядом с отцом.

Теперь я видел и сам. В нескольких сотнях метров от нас по другой тропе по склону спускалась целая делегация. На мгновение у меня возникло ощущение, что я присутствую на съемках исторического фильма и нам навстречу идет массовка, одетая так, словно они все сбежали с показа Рика Оуэнса. Черная кожа, черная кожа и еще черная кожа, кое-где разбавленная небольшими полосками меха. И над всем этим кожаным великолепием – шикарные шевелюры и не менее шикарные бороды. У нескольких мужчин я заметил на поясе мечи. Впереди внушительной колонны шли два гиганта. Я бы даже сказал, один гигант и один великан. Да, я

---

⁴ Прошу прощения.

лингвист. Да, я знаю, что это синонимы. Но как выразиться иначе, если один из мужчин был на голову выше большинства своих соплеменников, а шагающий с ним рядом рыжий бородач был еще на полголовы выше и, как мне показалось, шире в плечах. Хотя, возможно, все дело было в меховом плаще, наброшенном на эти самые плечи.

– Что за монстр рядом с вождем?

– Это Торбьорн, начальник стражи и ближайший советник вождя. Будьте с ним осторожны.

Я не успел уточнить, чем вызвано такое предостережение. Обе наши тропинки постепенно сближались и вскоре должны были слиться в одну. Зиверс замедлил шаг.

– Окажем конунгу уважение, пропустим его вперед.

Увидев Зиверса, с которым был, очевидно, хорошо знаком, конунг приказал своим людям идти дальше, а сам в сопровождении рыжебородого и неожиданно появившейся из-за его спины светловолосой девицы шагнул нам на встречу.

– Рукопожатие у них в ходу, – бросил через плечо нам Зиверс и с широкой улыбкой устремился навстречу местному повелителю.

Он пожал руку вначале конунгу, затем начальнику стражи. Глубоким поклоном головы поприветствовал дочь вождя. Затем дошла очередь и до нашего представления. Конунг и второй верзила с восхищением смотрели на Гартмана, который ростом не уступал вождю, а шириной плеч, не говоря уже об обхвате талии, мог легко поспорить с рыжебородым.

Зиверс представил профессора:

– С твоего разрешения, конунг, господин Гартман будет изучать ваше удивительное теплое озеро. Сам он приехал из страны, которая находится далеко на востоке. В его стране есть большие озера, но вода в них холодна круглый год.

Затянутые в кожу здоровяки долго жали Гартману руки, похлопывали его по плечу, словно проверяли, крепко ли он стоит на ногах. Профессор в долгу не оставался, они явно понравились друг другу. Подобное к подобному. Вождь и его рыжебородый приятель обменивались восхищенными возгласами, а затем выразили свое одобрение тому факту, что на их землю прибыл столь достойный муж.

Говорили они на гонду, так именовали свой язык сами жители острова, так звали его и обитатели базы, на мой взгляд, это было что-то очень близкое к древнескандинавскому, *þóttu þá* – северная речь, как сказали бы лет эдак тысячу тому назад.

Я напряженно вслушивался в их разговор и с нарастающей радостью чувствовал, что понимаю почти все, что сейчас говорят, более того, я и сам могу поддержать беседу.

– Наш юный друг приехал сюда специально, чтобы прочитать старинные рукописи, которые вы храните много лет, – наконец обратил на меня внимание Зиверс.

– Вот как? – удивился конунг, скользнув по мне пренебрежительным взглядом. – Ему придется пробыть здесь достаточно долго, чтобы научиться понимать нашу речь, а для того, чтобы разобрать старые тексты, и того дольше.

– Если великий князь не будет возражать, то я постараюсь ознакомиться с рукописями уже завтра. – Я сдержанно поклонился конунгу.

Глаза полезли на лоб не только у Готфрида и сопровождающего его рыжебородого. Зиверс тоже с изумлением уставился на меня. Гартман одобрительно похлопал меня по плечу и громко прошептал, естественно, на русском:

– Один – ноль, мы ведем. Добей их.

– Совсем недавно вот с той вершины я увидел ваше удивительное озеро и вашу прекрасную, особенно в этот солнечный день, долину. Они восхитительны, и можно подумать, что нет на свете ничего прекраснее их удивительной красоты. Но знаете что? Это не так.

Готфрид недоуменно нахмурил брови.

– Все это великолепие меркнет перед красотой твоей дочери, великий князь.

Возможно, вы скажете, что обращение «великий князь» не очень уместно по отношению к правителю острова, который с трудом можно разглядеть, причем не на каждой карте мира. Однако спросите у любого знакомого князя, что он думает по этому поводу, и вы убедитесь, что кашу маслом не испортишь.

– Да, моя дочь Фрея действительно прекрасна, – рассмеялся довольный конунг, – ты очень быстро все замечаешь, юноша. Хотя после того, как ты, пробыв на нашей земле всего одну ночь, заговорил на нашем языке, я думаю, что у тебя много способностей, и недаром правители твоего народа выбрали именно тебя для твоей миссии.

Сама Фрея не проронила ни слова. Она с легкой усмешкой смотрела на меня, очевидно привыкшая к разнообразным знакам внимания.

– Слава о красоте твоей дочери, конунг, дошла даже до нашей далекой земли, поэтому я привез ей подарок, достойный ее не только как самой прекрасной девушки на этом острове, но и как дочери великого вождя.

– Да? – не удержался от изумления Зиверс.

– Да! – убежденно подтвердил я, не представляя, что именно буду дарить красотке.

А в том, что Фрея действительно была красоткой, не могло быть и тени сомнений. В ней все было идеально, во всяком случае, все из того, что я смог рассмотреть. Этот нежный овал лица, эти чуть порозовевшие щечки, этот очаровательный совсем не скандинавский носик, эти глазищи, на которые можно было смотреть бесконечно. И, наконец, волосы. Белые выющиеся кудри, достающие Фрее почти до пояса. Да я такое только в мультиках видел! А какая фигура! Вот у вас кто любимый герой из фильмов «Марвел»? У меня – Черная вдова. Ей больше всего идет обтягивающее трико. Девушке, только что отвернувшейся от меня и зашагавшей упругим шагом в сторону берега, тоже очень подошло бы латексное трико. Но и в штанах из тонкой, судя по всему, отлично выделанной кожи, она выглядела убийственно. Убийственно для моего чувства сексуального самосохранения.

Вся наша мужская компания нестройным шагом направилась вслед за Фреей. Я пересказывал Гартману наш разговор с вождем.

– Идея с подарком меня смущает, – бубнил шагавший рядом профессор, – мне кажется, у нас в багаже нет ничего достойного. Хотя, знаете, у меня есть запечатанная упаковка с каким-то парфюмом. Не знаю, зачем жена мне его положила. Он, конечно, мужской, но не думаю, что на острове так сильно разбираются в современной парфюмерии.

– Спасибо, Юрий Иосифович. Подарок я хочу вручить завтра, так что у меня еще есть время подумать, а одеколон свой вы вполне можете мне подарить, вам он, я думаю, без надобности, князь в вас и так уже влюбился. А его рыжий приятель и подавно. Вы там поосторожнее с ними.

– О времена, о нравы, – недовольно пропыхтел Гартман.

В порту уже вовсю кипела работа. Аборигены подходили к зоне выдачи, закидывали на плечо груз, на который указывал палец кладовщика, и отправлялись в далекий обратный путь. Несколько человек загрузили какие-то ящики на небольшие тележки, в которые были запряжены унылые серые ослы. Предстоящий затяжной подъем их, очевидно, тоже не радовал. Ослы появились на острове недавно, одновременно с началом поставок в Гонду'рус гуманитарной помощи. Животный мир острова был не то чтобы совсем скуден, однако копытных на нем отродясь не водилось, да и вообще, с тем, что во всем прочем мире называют домашними животными, островитянам не повезло. У них не было ни коров, ни овец, ни свиней. По ночам не лаяли друг на друга собаки, а кошки не терлись у ног хозяев. Все это разнообразие на острове заменяли зайцы, обеспеченные круглогодичной зеленой травой, и песцы, не менее круглогодично обеспеченные зайцами. В принципе двух этих четвероногих тварей, особенно с учетом изобилия рыбы и птицы, островитянам вполне хватало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.